

УДК 329.059470+571

О структуре политических идеологий в условиях ценностной конвергенции российских партий

В. И. Головченко

Головченко Владимир Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры теории государства и права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, golovchenkosgu@mail.ru

В статье рассмотрены основные особенности использования политических идеологий в постсоветской России и процессы ценностной конвергенции различных политических партий. Автор констатирует, что ценностные маркеры, которые ранее служили для идентификации и позиционирования различных партийных идеологий и их отграничения друг от друга, теперь утрачивают свое первоначальное значение. Обусловлено это тем, что современные партии в использовании информационно-коммуникационных технологий в большей степени опираются на конвергированные «общечеловеческие ценности». Для России особенно актуальным является предложение обществу такой идеологии, в которой важнейшим структурным элементом будет обоснование привлекательного и воспринимаемого как справедливого для большинства населения образа будущего России.

Ключевые слова: политические идеологии, структура политических идеологий, ценностная конвергенция партийных идеологий.

About the Structure of Political Ideologies within the Value-Based Convergence of Russian Parties

V. I. Golovchenko

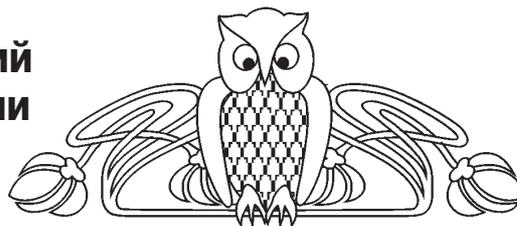
Vladimir I. Golovchenko, <https://orcid.org/0000-0001-8856-1723>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, golovchenkosgu@mail.ru

The main features of using political ideologies in post-Soviet Russia as well as value-based convergence of different parties are considered in the article. The author concludes that value markers, which previously served as tools to identify and draw the lines between various party ideologies, have lost their initial meanings. The reason is that by using information and communication technologies modern parties base themselves upon converged "universal human values". As far as Russia is concerned, there is a need in ideology that would substantiate an attractive and perceived by majority of people as "fair" image of the nation's future.

Keywords: political ideologies, structure of political ideologies, value-based convergence of party ideologies.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-487-491>

Изучение проблематики политических идеологий в постсоветской России пережило несколько периодов, в каждом из которых акцент делался на различных ее аспектах. После распада СССР и краха социалистической системы приоритет имели различные аспекты процесса

деидеологизации и обеспечения плюралистичности общественно-политической жизни страны. Наивысшим проявлением этого целеполагания стало конституционное закрепление запрета на государственную идеологию в Российской Федерации.

Становление многопартийности сопровождалось таким бурным ростом политических партий и общественно-политических организаций, что уже после выборов в Государственную Думу 1995 г. (когда в избирательные списки были допущены 43 партии и избирательные объединения) начался процесс целенаправленной «кристаллизации» партийной системы. Важнейшим нормативным инструментом укрупнения российских партий стал ФЗ РФ «О политических партиях», который привел к существенному сокращению этих ведущих субъектов политики в политической системе России¹.

Обозначенные процессы институционализации многопартийности сопровождались эволюцией функциональности политических идеологий и изменением иерархии их структурных элементов². Анализ данной эволюции показал, что ключевой тенденцией стало ослабление роли мировоззренческой составляющей идеологии и усиление их идентификационной функции. Обусловлено это было, прежде всего, тем, что значительная часть возникающих отечественных партий носили персонифицированный характер, а их идеологическое оформление – вспомогательный, инструментальный характер (нередко партии формировались для концентрации ресурсов в борьбе партийного лидера в одномандатном округе на выборах в Государственную Думу). Борьба за лидерство на одних и тех же партийно-идеологических полях еще более усугубляла ситуацию с идейно-мировоззренческим ядром многочисленных российских партий.

Данные процессы в политической жизни постсоветской России вызвали дискуссию научного сообщества по структурному содержанию и функциональности политических идеологий³. Несмотря на различные оценки отдельных аспектов проблемы, большинство исследователей сходились в том, что идеологии представляют собой средство «духовного сплочения и руководства, которое направляет поведение людей в сфере политических отношений, формирует их волю, мобилизует активность,

способствует интеграции социальных групп, вовлеченных в политическое действие или готовящихся к нему»⁴.

Мобилизующая функция идеологии актуализируется с особой силой в условиях значительного расширения возможностей применения в политике коммуникационных технологий. На практике это приводит к тому, что ценностные маркеры, которые ранее служили для идентификации и позиционирования различных идеологий и их отграничения друг от друга, теперь теряют свое первоначальное значение. Связано это с тем, что современные партии в использовании информационно-коммуникационных технологий опираются на конвергированные «общечеловеческие ценности». Не случайно, что со второй половины XX столетия с подачи Д. Белла даже заговорили о конце идеологий в условиях постиндустриального общества⁵. Несмотря на последующий отказ большинства исследователей от столь резкой оценки роли идеологий в политической жизни, их функциональность в современных условиях позволяет действительно говорить об инверсии традиционного их структурирования и содержания⁶.

По мнению А. Н. Сулимина (опирающегося на идеи Н. Пригожина и В. Ильина), «любая крупная идеология в процессе своей нелинейной динамики может проходить определенные точки микробифуркации: этапы расцвета идеи, идеологического насыщения и термодинамической деградации идеи»⁷. Основной причиной деградации идеологий служит определенная закономерность, суть которой состоит в том, что «усиление вброса идеологических образов в общественное сознание прямо пропорционально вызывает их девальвацию и снижение коэффициента полезного действия в социальной сфере»⁸. Фактически главную ответственность за данную ситуацию А. Н. Сулимин возлагает на научную общественность, когда «в ходе научного дискурса появляется множество точек зрения на ее интерпретацию. Возникновение множества способов существования идеи искажает ее первоначальный смысл и приводит к ее дезорганизации»⁹. Если принять аргументы и исторические примеры автора о данной закономерности, проявленной в предреволюционной России и в СССР периода перестройки в условиях кризиса господствующей идеологии, то возникает вопрос о ее применимости в условиях демократии и политической конкуренции?

Вызывает сомнение утверждение автора о том, что «легитимирующей идеологией постсоветской элиты» должна была стать «провозглашаемая демократия»¹⁰. На практике у этой демократии присутствовало четко обозначенное либеральное идеологическое обоснование, которое и должно было стать идейным и мировоз-

зренческим фундаментом политического и социально-экономического развития постсоветской России¹¹. Это либеральное основание было закреплено в Конституции РФ и продолжает быть актуальным и в настоящее время. И это при том, что либеральные партии в России в настоящее время превратились в субъектов политики второго эшелона.

Однако конституционно закрепленные либеральные ценности оказались политически востребованными и рассредоточены в программах большинства ведущих партий современной России, независимо от их идеологической приверженности. Такая дивергенция отражает общемировые тенденции, в результате которых сформировано ценностное ядро, признаваемое сторонниками всех ведущих идеологий в качестве общечеловеческих. Глава 2 Конституции РФ максимально вобрала в себя и закрепила базовые права и свободы человека и гражданина, признанные большинством демократических стран, и не оспаривается ни одной из ведущих политических партий современной России. Возникает резонный вопрос: как оценивать данную ситуацию – как «идеологический эклектизм», представляющий сочетание чужеродных элементов в структуре идеологии, либо как формирование единого ценностного ядра идейно-символического пространства постсоветской России, которое создает основу для формирования общенациональной идеологии?¹²

Формально-ценностное и правовое конституционное основание деятельности большинства отечественных политических партий позволяет рассматривать его как общенациональное целеполагание движения страны в будущее. Однако на практике не утихают научные и общественные дискуссии об отсутствии в стране единой национальной идеи и о потребности выработки таковой в рамках общенациональной доктрины или государственной идеологии¹³.

Обусловлено это тем, что российские партии интерпретируют эти базовые ценности различно и ранжируют их неодинаково по степени важности в контексте программно-идеологического обоснования и встраивания в свои собственные идеологические концепты социального государства и гражданского общества. В результате отсутствует четкое обоснование признаваемого большинством населения стратегического вектора политического и социально-экономического развития страны.

По поводу характеристик этого важнейшего структурного элемента идеологий отечественных партий в научном сообществе обосновываются различные позиции. Например, не совсем правомерно, на наш взгляд, представлять структурные характеристики партийных идеологий в современной России через призму их оценки как «фрагментарных», «незавершенных» идеологий, в которых системообразующим началом высту-

пает популизм. Апелляция к тому, что популизм паразитирует на «более развитых комплексных идеологиях»¹⁴, актуализирует другую проблему – на основании каких критериев осуществлять систематизацию партий и их деление на партии с «комплексными» идеологиями либо с «незавершенными»?

Ответ на этот вопрос вовсе не очевиден. Например, по мнению Ю. А. Нисневича и А. В. Рябова, «олигархический» режим в современной России для обеспечения массовой поддержки использует идеологию «нового консерватизма», представляющую «эклетику смесь идей возвращения стране статуса великой державы, которому якобы мешает “враждебное окружение”, с апелляцией к патриархальным общественным и культурным ценностям»¹⁵. Наш взгляд, оценивать данную «эклетику смесь» в качестве идеологии не вполне правомерно, так как в ней отсутствует важнейший структурный элемент – характеристика политического и социально-экономического образа будущего России, признаваемого гражданами в качестве социально привлекательного и справедливого. Параметр державности в качестве такового россиянами не признается, поскольку рассматривается в качестве важнейшего в другой системе координат, обусловленной размерами страны, ее ресурсами, героической историей и т. д. Характеристика державности вкупе с постулатом о необходимости обеспечения национальной безопасности России не нивелируют в массовом сознании восприятие повсеместной коррупции в стране, не компенсируют проявления вопиющей социальной несправедливости в существующем социальном строе, не дают представления о способах искоренения этих принципиальных общественных пороков. Поэтому данный ценностный элемент целесообразнее рассматривать как конструкт политических технологий, как «идеологический симулякр», по определению А. И. Соловьева¹⁶. С его помощью можно тактически мобилизовать электорат во время избирательной кампании, но нельзя сплотить все население во имя достижения стратегических целей, так как державность для большинства российских граждан не может рассматриваться как самоцель общественного развития, а лишь как один из параметров будущего состояния России.

Программа «Единой России» не предоставляет полноценного программного ответа на совокупность структурных вопросов, характерных для партийной идеологии: «Что представляют собой социальная сущность и социальная база, идеологические ценности партии? Какова социальная роль партии в обществе (правящая, авангардная, оппозиционная, системная и пр.)? Каков способ ее формирования, принципы внутренней организации, источники финансирования партии? Каково многообразие связей и основные

формы работы партии с гражданами? Каковы основные цели и задачи партии в политической, экономической, социальной сферах, культурной и духовной жизни общества на данный конкретно-исторический период?»¹⁷. Все попытки позиционировать «Единую Россию» как всенародную социально-консервативную партию (аналогичную КПСС) не увенчались успехом в связи с пониманием большинством населения ее реальной социальной сущности. По мнению В. А. Гуторова, «у нас нет среднего класса, но у нас есть уже сформировавшаяся региональная и общероссийская бюрократия (я уж не говорю о “новых русских”». Добившись определенных успехов, они становятся самыми примитивными консерваторами только потому, что хотят сохранить тот порядок, который они только что создали»¹⁸.

Кроме того, апелляция «Единой России» к ценностям традиционного, социального российского консерватизма, с одной стороны, не дает представления об ориентирах движения страны в будущее, а с другой – не подкрепляется реальной текущей политикой правящей партии.

Можно согласиться с тем, что протестное движение в современной России в массе своей ориентировано не на возврат либеральной модели 1990-х гг., не на левацкое радикальное изменение существующей политической системы. Оно отражает «недовольство российских граждан решением вопросов социальной защищенности и пенсионной обеспеченности, уровнем криминализации в обществе и уровнем коррумпированности чиновничества – в эшелонах государственной бюрократии»¹⁹. Однако когда эти ключевые социальные пороки подтверждаются от одного электорального цикла к другому, в том числе и «Единой Россией как правящей партией, когда ее представители уже двадцать лет повторяют одни и те же предвыборные обещания по их искоренению, резонно возникает вопрос о целесообразности реального обновления существующей системы политических и социально-экономических отношений.

Чаще всего аргументация сторонников действующей власти сводится к тому, что единственным гарантом стабильности и безопасности функционирования многосоставного российского общества в условиях обострения международных отношений является Президент РФ В. В. Путин. Высокий рейтинг доверия со стороны населения национальному лидеру страны экстраполируется на действующие политические институты, позиционирующие себя как инструменты и механизмы реализации президентской стратегии, легитимированной большинством граждан на выборах. Однако в этой логике есть изъян, многократно подтвержденный в российской и мировой истории, проявляющийся в том, что

наличие персонализированной легитимности существующей политической и социально-экономической системы не может гарантировать стабильности общественного развития в стратегической перспективе.

Гораздо более надежным и стратегически выигрышным является идеологический уровень легитимации политического и социально-экономического курса страны, конкретных преобразований различных сфер общественной жизни. Однако таковая идеология, претендующая на статус государственной, в современной России отсутствует. Претензии оппозиционных партий на представление в качестве общенациональной идеологии своих альтернативных партийных программ не получали на выборах определяющей поддержки. Тем не менее, события последних пяти лет показали, что наряду с конституционно закрепленным ценностным основанием, признаваемым российскими партиями, формируется еще одно ядро, которое можно рассматривать как интегрирующую предпосылку для объединения усилий по формированию общенациональной идеологии. По мнению С. В. Бойко, «результатом противостояния политическим и экономическим санкциям в России стало возрождение патриотизма как идеологии, которая объясняет социально-экономическое и политическое соперничество за умы избирателей, за суверенитет и власть в государстве в ситуации глобальной турбулентности, проявляющейся в формировании нескольких центров глобальной конкуренции»²⁰.

На наш взгляд, целесообразнее вести речь не о патриотизме как общенациональной идеологии или самодостаточном ценностном ядре такой идеологии, а о патриотизме как ценностной мотивации социальной ответственности партийных лидеров, осознающих общественную потребность в ее разработке. Результатом должно стать предложение обществу такой идеологии, в которой важнейшим структурным элементом будет обоснование привлекательного и воспринимаемого как справедливого для большинства населения образа будущего России. Без формулирования такой общенациональной цели общественного развития результаты выборов общенационального уровня в России будут оставаться заложниками применения различных политических технологий (в том числе манипуляционных), основанных на персонифицированных идеологических симулякрах. В результате не будет обеспечиваться идеологический и системный уровень легитимации избранных органов власти. Соответственно, постоянно имеется потенциальная возможность проявления кризиса доверия к их деятельности со стороны населения и возникновение различных конфликтных ситуаций, нарушающих стабильное и поступательное общественное развитие.

Примечания

- 1 См.: Феномен многопартийности в российском обществе. Саратов : Научная книга, 2006.
- 2 См.: Головченко В. И. Партийно-идеологический фактор трансформации современной России. Саратов : ИЦ «Наука», 2009.
- 3 См.: Жукоцкая А. В. Проблема идеологии (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1998 ; Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. 1992. № 1–2. С. 130–142 ; Нугаев Р. М., Нугаев М. А., Мадияров А. Б. Знание, ценности, идеология в модернизирующемся обществе (междисциплинарный подход). Казань : Дом печати, 2002 ; Соловьев А. И. Политическая идеология : логика исторической эволюции // Полис. 2001. № 2. С. 10–12.
- 4 Демидов А. Идеология как инструмент политической коммуникации и власти // Власть. 1998. № 8–9. С. 44.
- 5 См.: Bell D. The End of Ideology : On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. N. Y. : Free Press, 1965 ; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М. : Академия, 1999
- 6 См.: Вилков А. А. Эволюция российской многопартийности после выборов 2016 года // Изв. Сарат. ун-та. Нов. Сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 62–69. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-1-62-69>
- 7 Сулимин А. Н. Политическая идеология как система : от организации к распаду // Теории и проблемы политических исследований. 2015. № 6. С. 48.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 Там же. С. 49.
- 11 См.: Шестов Н. И. Миф «демократичности» и миф «партийности» : логика концептуального и функционального конфликта // Демократия в современном мире. Демократия versus партократия : Демократия versus бюрократия. Сборник статей российско-германских «круглых столов». М. : РОССПЭН, 2009. С. 136–153.
- 12 См.: Идеино-символическое пространство постсоветской России : динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О. Ю. Малиновой. М. : РОССПЭН, 2011. С. 35.
- 13 См.: Богатырев К. А. Конституционные основы государственной идеологии и национальной идеи России // Право и безопасность. 2010. № 2 (35), июль. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_31_5.htm (дата обращения: 24.10.2012) ; Казанцев Н. М. Идеология права государству или идеология государства праву? // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 42–50 ; Касьянов В. В. Государственная идеология современной России // Общество : философия, история, культура. 2011. № 3–4. С. 11–14.
- 14 Мусихин Г. И. Популизм : структурная характеристика политики или «ущербная идеология»? // Полития. 2009. № 4 (55). С. 40.
- 15 Нисневич Ю. А., Рябов А. В. Современный авторитаризм и политическая идеология // Полис. 2016. № 4. С. 174.
- 16 См.: Соловьев А. И. Политическая идеология : логика исторической эволюции // Полис. 2001. № 2. С. 5–23.